

— Вот, полюбуйтесь, — сказала Надя. — Кажется, с длиной брюк я угадала? И рукава у блузки — в самый раз?

— Девочки, я извиняюсь, но любопытство сильнее меня... А вы кто друг другу? Сестры? — словно не услышав Надю, спросила клиентка с редким именем Катрина, оглядывая себя в зеркале. И тут же торопливо добавила, встретившись взглядом с Надей в отражении: — Если сестры, то совсем не похожи!

Надя улыбнулась, метнула, в свою очередь, невольный взгляд на Ольгу. А вот та чуть нахмурилась. Что и следовало ожидать. Ольгу всегда задевали подобные вопросы, Надя же к ним относилась спокойно. Открытость клиента — высшая степень доверия. Да, это бесцеремонность, но бесцеремонность не самый страшный грех. Отчего не ответить, не открыться самим?... Тем более что и секрета-то никакого нет.

— Мы не сестры. И не любовницы. И даже не подруги, — охотно отозвалась Надя. — Мы с Олей — компаньонки.

— Да-а? — воскликнула Катрина, но взгляд ее заметно поскучнел. — Как это? Если, конечно, вас не затруднит объяснить...

— Нисколько. У нас с Надей свой маленький, но коллектив. Фабрика, пусть и в обычной квартире. Мы с Надеждой — партнеры по бизнесу, — сдержанно пояснила Ольга. — Она шьет одежду, я работаю в основном с кожей. Какую-нибудь классическую модель сумки принести? Продукт уже моего труда, так сказать...

Катрина задумалась, глядя на свое отражение в зеркале. Клиентка обладала весьма нестандартными формами: узкие плечи, широкие бедра, большая грудь и в довершение — явно прорисованная талия. Ко всему прочему еще и невысокий рост. К такой фигуре трудно подобрать одежду: либо сверху широко, либо снизу, о талии производитель обычно забывает, а если и вспомнит, то она из-за роста сползает на бедра. Брюки и юбки обязательно приходится подшивать...

Словом, Катрина, намучившись с магазинами готовой одежды, решила обратиться к услугам портних. Опыт с индпошивом у нее имелся, но негативный. Она еще на первой примерке сообщила Наде, сколько раз потерпела фиаско, делая заказы в ателье. То затянули с пошивом чуть ли не на месяцы, то испортили ткань, то не стали прислушиваться к ее пожеланиям...

— Как же мне нравится! Мне все нравится! — не ответив Ольге, с восторгом произнесла Катрина, поворачиваясь перед зеркалом. — Это и просто, и... идеально.

— Черные брюки и светлая блуза — классика, — любуясь своей работой, согласилась Надя. — Главное, не белая, а именно светлая ткань с каким-либо оттенком: серым, бежевым, розоватым... Эрю, молочный, слоновая кость... Чисто-белый редко кому подходит.

— Да, да. И не надо никаких рюшечек, завязочек, манжет невероятных. Ничего лишнего! — кивнула Катрина. — Это для молодежи хорошо, а в моем возрасте...

— Ну какой ваш возраст! — вспыхнула Ольга. — Сейчас возрастные рамки сдвинулись, рано себя в пожилые записывать.

— Я понимаю, но... мне сорок два, — кокетливо вздохнула Катрина. — А сорок два — это не двадцать два. Да, Оленька, принесите мне сумку, но не кожаную, а... как вы ее называли? Экосумка?

— Да. Очень недорого, кстати, — Ольга вышла из комнаты, вернулась через минуту с ворохом сумок на локте. — Пакеты из полиэтилена сильно загрязняют планету. Века лежат в земле, не разлагаясь. А это сейчас новый тренд, вот такие сумки для покупок, вроде тех авосек, что были у наших бабушек раньше... Ткань я покупаю оптом — полиэстр, плотный хлопок, джинса, вельвет. Сумки легко стираются, занимают мало места в сложенном состоянии, прочные. Шьются без всяких изысков и быстро. Очень недорого. Тут — самые простые, здесь — уже с узорами...

— Чудесно, чудесно! Вот эту, из джинсовой ткани, возьму. Она подо все, мне кажется, — обрадовалась Катрина.

— Может быть, все-таки кожаные сумки посмотрите? — предложила Ольга. — Они, конечно, подороже того, что вы сейчас выбрали, но, я вас уверяю, все равно дешевле, чем в фирменных магазинах. И потом вторую такую вы вряд ли где встретите.

— Нет, спасибо, я и так уже поиздержалась, — отказалась Катрина, вертя в руках сумку из светло-голубой джинсовой ткани.

— Ну как знаете, — сдержанно произнесла Ольга. Но Надя заметила, что Ольга опять чуть помрачнела. Конечно, Ольге выгоднее продавать кожаные сумки, чем эти, тряпичные. — Может быть, желаете кошелек, ключницу авторской работы?

— Нет-нет, благодарю.

— Подарок мужчине — бумажник? — настаивала Ольга.

— Вот, кстати, про мужчин, — спохватилась Катрина, обернувшись к Наде, которая теперь стояла в стороне молча. — У меня есть кузен. То есть двоюродный брат, зовут Филиппом. Он помладше меня, ему тридцать восемь, но, девочки, это же просто кошмар! Я понимаю, он работает на «Скорой», это тяжело и выматывает, но он же просто... Даже не знаю, кто он. Одевается непонятно во что, в магазин его не затащишь.

— Типичная проблема, — засмеялась Надя. — У него есть супруга или девушка? Обычно жены проявляют инициативу и водят своих благоверных по магазинам.

— Да нет у него никого, один как перст, и потому одичал совсем... — охотно болтала Катрина. — В магазинах он теряется. Хотя я его прекрасно понимаю: заходишь в большой торговый центр, а там — гигантские площади, множество разных брендов, поди разберись... Он себе обычно одежду в Интернете заказывает, что-то такое спортивное, с чем трудно ошибиться, или джинсы — одну и ту же модель, годами. Но в

общество с ним не выйти. Вот скоро у моей доченьки выпускной, соберемся всей семьей в ресторане, а в чем наш дядя Филя придет? Опять что-то невообразимое на себя напялит... Джинсы да майку-алкоголичку, с него станется!

— Я не поняла, так под каким соусом вы своего братца нам предлагаете: как клиента или как жениха? — весело спросила Надя.

— Надежда! — возмутилась Ольга.

— В основном как клиента, но ничего не имею против того, чтобы Филипп нашел здесь себе пару, — тоже развеселилась Катрина. — Ой, вы знаете, девочки, я теперь себя совсем другим человеком чувствую! Так всегда, если одежда к лицу, и в ней удобно, и нет этой неуверенности, когда купила что-либо, а потом на улице боишься выйти, потому что не знаешь, как окружающие отреагируют. А так я чувствую себя — собой!

— Я очень рада, — вздохнула с облегчением Надя. — Только знаете, я мужских костюмов не шью. То есть я могу, но это не мое. Запороть не запорю, но сил потрачу слишком много. Есть портные, которым это в удовольствие, вот они пусть это и делают. Я чаще берусь за что-нибудь простое и легкое в изготовлении. Делаю быстро и недорого, на том и держусь.

— Костюмов не шьете?... — задумалась Катрина. — Жаль. Но погодите, Филипп на костюм и сам не согласится, скажет, что бесполезная вещь, на один выход... Ему бы брюки обычные и самую простую рубашку.

— Это я могу, — кивнула Надя. — А Оля ему какую-нибудь сумку предложит, чтобы и в пир и в мир. Да, Оль?

Ольга тоже коротко кивнула, тряхнув длинной косой челкой, напоминающей крыло птицы. Высокая, тонкая, в ситцевом пестром сарафане, купленном в торговом центре на распродаже, поскольку они заранее с Надей договорились не «осчастливливать» друг друга своими умениями, чтобы уж ни в чем, ни в одной мелочи не зависеть друг от друга, не быть обязанными и не иметь повода для упрека из серии «Вынуждена носить, ибо сделано руками подруги, а я не хочу ее обидеть», — Ольга и вправду была похожа на какую-то экзотическую птицу. А иссиня-черные волосы, сзади коротко стриженные, открывающие шею, а спереди спускающиеся до подбородка, своим ярким блеском и четким, жестким рисунком прядей напоминали оперение.

Надя, сколько себя помнила и, соответственно, сколько знала свою приятельницу (все же, если серьезно, не для представления перед клиентами, они были в первую очередь именно приятельницами, подругами), немного побаивалась ее. Она, Надя, отчасти разгильдяйка, отчасти болтушка, легкомысленная и порой поверхностная (сама за собой эту особенность знала — избегала всего серьезного), являлась в их отношениях ведомой. А ведущей всегда была Ольга.

Они учились в одной школе, в одном классе, но близкими подругами их никто не называл, у каждой — своя компания. Привет, пока да и только. Потом, после окончания школы, случайно столкнулись в стенах того вуза, в котором, оказывается, они обе теперь учились, только на разных факультетах. Выяснилось, что обеих увлекали дизайн и шитье. Правда, Надю инте-

ресовало изготовление одежды, а Ольгу — работа с кожей.

И так получалось, что Ольга всегда знала больше, выглядела серьезней. Но Надя при всем ее легкомыслии слыла человеком надежным и не злым, и тем она очень импонировала приятельнице.

Опять же, их отношения мало напоминали обычную девичью дружбу: изредка перезванивались, вели переписку в сети, обсуждая в основном технологические вопросы, а никак не свою личную жизнь, и в том заключалась своя прелесть. Они не лезли друг другу в душу, не нарушали границ, не проводили долгих вечеров за пустой болтовней, под бутылочку красненького.

Наверное, именно поэтому Ольга и Надя решили работать вместе, вдвоем, не завися ни от какого начальства и в то же время не боясь, что одна из компаньенок подведет другую. Правда, объединились они не сразу после окончания вуза. На несколько лет девушки расстались, а потом вновь возобновили общение. Вот тогда и придумали эту идею — стать компаньонками.

Поселившись вместе в двухкомнатной съемной квартире, они вместе вели расходы и платили налоги. Поначалу думали открыть ООО (общество с ограниченной ответственностью), потом решили, что быть ИП (индивидуальным предпринимателем) более удобно и менее тревожно: никто друг друга не подсидит. У каждой была собственная квартира, но и Ольга, и Надя сдавали их, доходы от сдачи шли в равной мере на оплату общего съемного жилья. Да, конечно, можно

было обосноваться в квартире одной из девушек, но какое тогда равенство, какое партнерство?

Вдвоем выживать оказалось проще. И спокойнее, чувствуя рядом плечо надежной компаньонки и давней, проверенной приятельницы.

Что касается личной жизни, то ситуация на данный момент являлась таковой: у Нади в прошлом короткий неудачный брак, затем развод и долгое, неприятное послевкусие от этих отношений, поскольку бывший супруг, Никита, долго терроризировал ее своими визитами и жалобами. Физической угрозы от него не исходило, но вытрясти душу, морально dokonать человека он умел превосходно. Положение спасло лишь то, что Надя съехала со своей квартиры и Никита потерял из виду свою бывшую супругу.

Что касается Ольги, то она уже семь лет находилась в спокойных и доброжелательных отношениях с женатым мужчиной. Обоих все устраивало — и Ольгу, и ее любовника, мужчину в возрасте. Со стороны, во всяком случае, Ольга определенно выглядела уверенной и довольной, изредка упоминая в разговоре с подругой о Георгии, своем тайном возлюбленном. Но Надя, примеряя эту ситуацию на себя, думала, что уж она-то точно не чувствовала бы себя счастливой, деля своего мужчину с другой женщиной. Конечно, в данный момент между Ольгой и Георгием ни недопонимания, ни взаимного недовольства не наблюдалось, но что потом? Ольга потратит свои лучшие годы на эти безнадежные отношения и в результате останется ни с чем. Так про себя рассуждала Надя.

Но читать проповеди вслух, специально лезть в личную жизнь подруги и компаньонки Надя не собиралась. Впрочем, сейчас, с предложением Катрины, Ольге выпадает возможность встретиться со свободным мужчиной... Отчего нет? Почему Ольга так сопротивляется и хмурится? Почему ей так важно показать всему миру: «Мне ничего не надо»?..

Ольга молчала, и тогда Надя была вынуждена любезно произнести:

— В общем, Катрина, приводите своего брата. Устроить личную жизнь мы ему не поможем, за этим лучше к свахе, а вот приодеться немного — запросто!

Когда она сказала это, то Ольга, кажется, вздохнула облегченно. А клиентка, Катрина, видимо, поняв, что Ольга и Надя настроены серьезно, им не до сватовства, в свою очередь, расслабилась и принялась откровенничать о брате. Так часто случается, с кем еще поговорить о личном, как не с портнихой (или с парикмахершей, маникюршей)?

— Филипп же мне как свой, единокровный брат. Наши с ним матери — родные сестры, только мама Филиппа умерла рано, и он у нас в семье рос, со мной. Хороший паренек, умница, добрый, не хулиган в школе был. Всегда хотел стать врачом. А отец Фили, Петр Васильевич, — тот еще тип, — нахмурилась Катрина. — Красавец и бабник. Думаю, это он своими похождениями загнал жену, мою тетю, в могилу... О сыне не вспоминал, денег на него почти не давал, какие-то смешные копейки... Мои родители племянника сами поднимали, на свои кровные. От Петра помощи ника-

кой. А сам Петр, едва только жену похоронил (маму Фили), второй раз женился. На очень богатой женщине. Которая к тому же на десять лет его старше.

— Может, это любовь была? — рассеянно заметила Ольга.

— Я вас умоляю! — с сердцем воскликнула Катрина. — Петр сроду не работал, всегда сидел на чьей-то шее, его хобби — фотография — не в счет. Сначала из своего отца деньги выкачивал, тот умер, потом перебрался на шею к первой жене, та тоже умерла. Нашел вот эту Марину, Марину Яковлевну вернее. Старую и страшную. Она всегда такой была, даже в молодости, — старой и страшной, это особый женский тип. Молчит и смотрит, глаза голодные и злые у нее... Я так понимаю, она всегда хотела любви и страстей, а мужчины ее мимо обходили. Так что Петра она себе купила. Он-то думал, облапошил богатую дурочку, а не-ет, — охотно вещала Катрина, — Петр наш попался. Марина Яковлевна держала его то на коротком, то на длинном поводке, не убежишь. Денег давала, машину купила, по заграницам возила, а на сторону — ни-ни, иначе кран закроют. Так и жили. У Марины Яковлевны большие капиталы имелись от ее отца покойного... На проценты шикавала. Две квартиры, одна — огромная в центре, другая — скромная двушечка на окраине, и еще шикарная дача на берегу известного водохранилища. Кто знает про те места, тот понимает: не хуже Рублевки. Сама дача — миллионov десять-пятнадцать, если по нынешним деньгам.

— Это еще немного, — снисходительно улынулась Ольга.

— Ага, немного!.. — с азартом возразила Катрина. — Человек со средним достатком на такое заработать не сможет, только через долговую кабалу... А, забыла: у Марины Яковлевны еще антиквариата было много, всякие старинные штучки-дрючки, колье да алмазные перстни...

— Антиквариат — это серьезное вложение, — прилежно согласилась Надя лишь для того, чтобы поддержать беседу. Выговорившийся клиент — счастливый клиент. Огляделась, нашла свое простенькое колечко из обычного ювелирного магазина, лежавшее на гладильной доске, надела его на палец. Она постоянно забывала о нем, снимала во время работы (кольцо было ей чуть велико, мешало, то и дело норовя свалиться с пальца), потом искала... Но всегда находила.

— Ну вот, попался наш Петя как кур в опип к голодной до любви богачке. Хотя, конечно, я про длинный поводок не зря: иногда Марина Яковлевна чуть отпускала хватку, знала, что порой надо и подышать давать мужу, иначе совсем сбежит.

— Не понимаю подобных женщин, — брезгливо заметила Ольга. — Зачем так унижаться?..

— Я тоже не понимаю, если честно. Но, видно, другого выбора у нее не было.

— А дети? У них дети родились? — уже с любопытством спросила Надя, вертя кольцо на пальце.

— Нет. Я так думаю, Марина особым здоровьем не отличалась, да и Петр — хитрый жук, не хотел себя лишними путами связывать. Он к детям всегда был равнодушен, вон о Филе и не вспоминал даже, —